

Ю.Н. МАЗУР

КОРЕЙСКИЙ ЯЗЫК



изд

Юрий Николаевич Мазур

КОРЕЙСКИЙ ЯЗЫК

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

✱

Редакторы издательства *Л. Б. Никольский* и *И. В. Альтман*
Художественный редактор *И. Р. Бескич*
Технический редактор *Л. Т. Цигельман*
Корректора *Л. М. Манелли* и *Н. Б. Осягина*

*

Сдано в набор 5/III 1960 г.
Подписано к печати 20/VII 1960 г.
А-06290. Формат $60 \times 92\frac{1}{16}$ Печ. л. 7,5+0,25 печ. л. вкл.
Усл. п. л. 7,75 Уч.-изд. л. 6,91
Тираж 1500 экз. Зак. 684
Цена 4 руб., с 1/I 1961 г. цена 40 коп.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Гипография Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт Востоковедения

**ЯЗЫКИ
ЗАРУБЕЖНОГО
ВОСТОКА
И
АФРИКИ**

*Под общей редакцией
проф. Т. П. Сердюченко*

Ю. Н. МАЗУР

КОРЕЙСКИЙ ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва

1 9 6 0

ОГ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая читателю работа Ю. Н. Мазура „Корейский язык“ входит в серию очерков по языкам зарубежного Востока и Африки, публикуемую Институтом востоковедения Академии наук СССР.

Отдельные очерки посвящены характеристике языковых групп, как, например, „Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала“, „Иранские языки“, „Языки Юго-Восточной Азии“, „Монгольские языки и диалекты Китая“, „Языки Африки“ и др.

В большей части очерков, как и в данном, описываются конкретные языки различных стран Азии и Африки: арабский, амхарский, турецкий, уйгурский, монгольский, персидский, пушту (афганский), фарси-кабули, белужский, курдский, хинди, урду, маратхи, ассамский, телугу, тамильский, малаялам, китайский, чжуанский, тибетский, тайский (сиамский), бирманский, вьетнамский, кхмерский, индонезийский, тагальский (на Филиппинах), японский, зулу, суахили, луганда, хауса и ряд других, а также языки прошлого, сыгравшие большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока: египетский, санскрит, пали, вестийский, пехлеви, древнеуйгурский и др.

Конечно, в построении каждого очерка имеются свои особенности и отступления от общей схемы, объясняемые спецификой описываемого языка и степенью его изученности. Очерки, в которых дается описание языковых групп, композиционно и по объему материала несколько отличаются от очерков, посвященных конкретным языкам.

Очерки предназначены для широкого круга языковедов — не специалистов по данному языку или группе языков, для преподавателей историко-филологических факультетов университетов, педагогических институтов и аналогичных им

высших учебных заведений, а также для студентов, изучающих восточные языки.

Учитывая возможное переиздание и тематическое расширение очерков, редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои замечания и пожелания по адресу: Москва, Армянский пер., 2, Издательство восточной литературы, редакция серии „Языки зарубежного Востока и Африки“.

ВВЕДЕНИЕ

Корейский язык — национальный язык корейского народа. Население Кореи, по данным 1949 г., составляет около 31 млн. человек (население КНДР — 9,1 млн., население Южной Кореи — 21,5 млн.). Значительное число корейцев живет за пределами своей страны — в Северо-Восточном Китае, Японии, Советском Союзе, США (главным образом на Гавайских островах) и в других странах.

Корейское государство имеет очень давнюю историю. Об этом свидетельствуют памятники корейской культуры, дошедшие до нас еще со времен трех государств¹. Одним из основных элементов древней самобытной корейской культуры является язык.

Корейский язык издавна имел тесные связи с китайским, монгольским, японским и другими соседними языками. Как и некоторые другие языки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, корейский язык впитал в себя большое количество китайских лексических элементов, что значительно обогатило его словарный состав, увеличило словообразовательные возможности и имело огромное значение в общем развитии корейского литературного языка. Тем не менее основой развития фонетического, морфологического и синтаксического строя корейского языка, а также его лексики и фразеологии всегда были и до сих пор остаются исконно корейские элементы.

ОТНОШЕНИЕ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА К ДРУГИМ ЯЗЫКАМ

Вопрос об отношении корейского языка к другим языкам еще мало изучен. В литературе высказывались разнообразные гипотезы и мнения по этому вопросу. Таковы,

¹ На рубеже нашей эры на Корейском полуострове существовало три государства — Когурё (37 г. до н. э. — 608 г. н. э.), Пэкче (18 г. до н. э. — 660 г. н. э.), Силла (57 г. до н. э. — 935 г. н. э.), объединением которых было образовано одно корейское государство — Корё (918—1392), от которого и происходит название «Корея».

например, сопоставления корейского языка с дравидийскими², японским³, китайским и монгольским⁴, айнским⁵, индоевропейскими⁶, палеоазиатскими⁷, алтайскими⁸ языками.

Сопоставления корейского языка с японским, которым большое внимание уделяли главным образом японские языковеды, основаны преимущественно на типологическом сходстве, наличии весьма большого количества идентичных или аналогичных явлений в грамматическом строе этих двух соседних языков. Известно, однако, что типологического сходства еще недостаточно для установления родства языков. Кроме того, сравнения с японским не всегда приводились с необходимым учетом истории сравниваемых фактов, что оговаривает, например, Коно Рокуро в своей работе, приводя пример с окончаниями именительного падежа — японским *-га* и корейским *-га*, имеющим значительно более позднее происхождение⁹.

Некоторые соответствия в плане материального сходства (в области фонетики, лексики и грамматики корейского и японского языков) еще не представляются убедительным

² H. B. Hulbert, *A comparative grammar of the Korean language and the Dravidian dialects of India*, Seoul, 1905.

³ W. G. Aston, *A comparative study of the Japanese and Korean languages* (IRAS, N. s., vol. XI, pt. XIII, 1879); S. Kanazawa, *The common origin of the Japanese and Korean languages*, ed. 2, Tokyo, 1910; S. Kanazawa, *Über die Kultur Japans und Koreas in alten Zeiten vom Standpunkt der Sprachvergleichung aus betrachtet*, Tokyo, 1913. [河野六郎, 内鮮兩語の親近性, «조광», 1941, № 8 (далее — Коно Рокуро, *Нэсон...*); Ямадзи, *Статьи о родстве корейского и японского языков*. — «Japan Weekly Times», June 25, 1910; July, 30, 1910].

⁴ I. Edkins, *Relationship of the Tartar languages* («Mongol-Chinese, Korean-Chinese, Mongol-Korean Identifications») («Kor. Rep», vol. II, 1895).

⁵ Gjerdmann, *Word-parallels between Ainu and other languages* [«Le monde orientale» (Uppsala) 20, 1926]; D. H. Koppelman, *Die Verwandtschaft des Koreanischen und der Ainu-Sprache mit den Indogermanischen Sprachen*, Wien, 1928; I. Rahder, *Etymological vocabulary of Japanese, Korean and Ainu* (part 1.— Tokyo, 1956).

⁶ A. Eckardt, *Schlüssel zur Koreanischen Konversations Grammatik*, Heidelberg, 1923; H. Güntert, *Zur Frage nach der Urheimat der Indogermanen*, Heidelberg, 1930; H. Jensen, *Indogermanisch und Koreanisch* («Germanen und Indogermanen», Bd 2, Heidelberg, 1936); D. H. Koppelman, *Die Eurasische Sprachfamilie — Indogermanisch, Koreanisch und Verwandtes*, Heidelberg, 1933; H. F. I. Junker, *Koreanische Studien*, Berlin, 1955.

⁷ Ю. А. Крейнович, *Корейско-нивхские языковые параллели*, рукопись, Л., 1956.

⁸ Е. Д. Поливанов, *К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков* («Известия АН СССР», 1927); Г. И. Рамstedt, *Введение в алтайское языкознание*, пер с нем., М., 1957; М. Ряснен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, пер с нем., М., 1955; G. I. Ramstedt, *Über die Stellung des Koreanischen*. — MSFOu, vol. 55, pt. 2, 1951.

⁹ См. Коно Рокуро, *Нэсон...*, стр. 40.

доказательством родства названных языков. Отдельные факты, приводимые в работах японских ученых (например, яп. *кума* и кор. *ком*—'медведь'¹⁰ и т. п.) могут оказаться и случайными совпадениями и заимствованиями¹¹. Этот вопрос еще требует изучения. В ряде случаев сравнения, к которым прибегают японские авторы, выглядят довольно натянутыми. Таковы, например, яп. *по*→*хо* 'колос' и кор. *пйэ* 'рис'¹² и др.

Таким образом, вопрос о взаимоотношении корейского, японского и айнского языков, представляющий, несомненно, значительный интерес, пока еще остается открытым.

Сравнения корейского языка с индоевропейскими, по нашему убеждению, могут быть продуктивны лишь в том случае, если они исходят из возможности наличия в корейском языке очень архаичных индоевропейских слоев. В связи с этим вряд ли можно считать обоснованным, например, предположение о родстве корейского языка с индоевропейскими языками, выдвинутое Д. Коппельманном на основании весьма немногочисленных словарных сопоставлений.

Осторожнее подошел к этой проблеме Г. Гюнтерт, который, допуская возможность существования исторических и языковых связей между корейцами и индоевропейцами, рассматривает корейский язык как монголоидную языковую форму, сохранившую остатки древнейшего индоевропейского влияния¹³.

Этой же точки зрения придерживается и Г. Юнкер, который отнюдь не ставит вопроса о родстве корейского языка с индоевропейскими, об общем праязыке, а лишь считает правомерным проследить распространение древних индоевропейских языков с учетом данных таких окраинных языков на Востоке, как корейский, и выяснить возможные взаимовлияния языков, существующих или существовавших на территории Евразии¹⁴.

Русские и советские корееведы большое внимание уделяли и уделяют той гипотезе, согласно которой корейский язык причисляется к алтайским языкам и имеет определен-

¹⁰ Коно Рокуро, *Нэсон...*, стр. 41.

¹¹ «В японском языке имеется много заимствований из языков соседних народов: в наиболее древние времена — из корейского языка, а начиная с V—VI вв. — из китайского» (Н. И. Фельдман, Введение в кн.: *«Учебник японского языка»*, М., 1953, стр. 6).

¹² Коно Рокуро, *Нэсон...*, стр. 42.

¹³ См. Н. Гюнтерт, *Zur Frage nach der Urheimat der Indogermanen*, Heidelberg, 1930.

¹⁴ Н. Ф. J. Junker, *Koreanische Studien*, Berlin, 1955, S. 7.

ное отношение к тунгусо-маньчжурской группе языков¹⁵. Это объясняется тем, что, несмотря на недостаточную изученность вопроса, указанная гипотеза все же представляется более вероятной в свете лингвистических, этнографических, археологических и исторических данных, касающихся проблемы формирования корейских племен.

Вопроса об отношении корейского языка к алтайским неоднократно касался в своих трудах проф. Е. Д. Поливанов¹⁶, который относил к семейству „алтайских“ языков в широком смысле турецкую, монгольскую и маньчжуро-тунгусскую языковые группы, а также — на правах его четвертого члена — и корейский язык¹⁷.

Много внимания изучению проблемы отношения корейского языка к алтайским уделял Г. И. Рамstedт. Историко-фонетические и морфологические сопоставления корейского и алтайских языков были начаты им статьей „Remarks on the Korean language“ (MSFOu, 58, 1928). Впоследствии эти положения были развиты им в работах „A Korean grammar“ (MSFOu, 82, 1939) и „Studies in Korean etymology“ (MSFOu, 95, 1949). Обширный сравнительный материал по этому вопросу содержится также в его труде „Введение в алтайское языкознание“.

В настоящее время вопросами отношения корейского языка к алтайским занимаются такие видные языковеды Корейской Народно-Демократической Республики, как Хон Ги Мун¹⁸, Ю Ёр¹⁹ и др.

И все же, несмотря на исследования Е. Д. Поливанова, Г. И. Рамstedта и других, отношение корейского языка к алтайским не может еще считаться выясненным окончательно. До сих пор данные тунгусо-маньчжурских языков привлекались к изучению этой проблемы недостаточно и потому определение связей корейского языка с этой группой языков нуждается в серьезном уточнении. Уточнения, в частности, требуют во многих случаях и этимологии корейских слов, содержащиеся в работах Г. И. Рамstedта

¹⁵ См. А. А. Холодович, *Очерк грамматики корейского языка*, М., 1954, стр. 3.

¹⁶ Е. Д. Поливанов, *К вопросу о родственных отношениях корейского и „алтайских“ языков*.

¹⁷ О. В. Плетнер и Е. Д. Поливанов, *Грамматика японского разговорного языка*, М., 1930, стр. XIII.

¹⁸ На международной конференции языковедов в Улан-Баторе в сентябре 1959 г. Хон Ги Мун выступил с докладом «Сравнительное изучение корейского и монгольского языков».

¹⁹ 류필, 상고 조선말의 어음 체계 (《조선 어문》, 1958, № 5—6).

Вот почему специалисты по общему языкознанию предпочитают пока считать корейский язык „изолированным языком“, а специалисты-корееведы относят его к алтайской семье языков с существенными оговорками²⁰.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК И ДИАЛЕКТЫ²¹

В основе единого национального корейского языка лежит сеульский говор центрального диалекта. Столичный говор явился основой так называемого пхёчжун-о или пхёчжун-маль — «корейского национального литературного языка в его „образцовой форме“». Говор Сеула — города, который с конца XIV в. стал столицей Кореи, развивался в условиях активного соприкосновения с диалектами всей страны. Благодаря этому современный корейский литературный язык, будучи глубоко связан с народной разговорной речью, включает факты не только центрального, но и прочих диалектов. Таким образом, центральный диалект (и в частности, сеульский говор) находится уже почти в таком же отношении к литературному языку, как и другие диалекты, и не может считаться образцовым²².

Понятие норм литературного языка особенно изменилось за последнее время: в Корейской Народно-Демократической Республике в литературном языке все более употребительны слова и формы, свойственные северным диалектам.

В настоящее время в корейском языке различают следующие шесть диалектов: 1) северо-восточный диалект (провинции Северная и Южная Хамгёndo и Янгандо); 2) северо-западный диалект (провинции Северная и Южная Пхё-нандо, Чагандо и часть Северной Хванхэдо); 3) центральный диалект (провинции Кёнгидо, Северная Чхунчхондо, часть Канвондо, севернее Яняна, Южная и часть Северной Хванхэдо); 4) юго-восточный диалект (провинции Северная и Южная Кёнсандо, а также часть провинции Канвондо, южнее Чумунчжина, и частично районы морского побережья Южной Чолладо); 5) юго-западный диалект (провинции Север-

²⁰ См. например: А. А. Холодович, *Корейский язык* (БСЭ, т. 22).

²¹ Для более точного обозначения звуков при записи языковых примеров в разделах «Национальный язык и диалекты» и «Фонетика и графика» используется фонематическая транскрипция на латинской основе, а в остальных разделах — упрощенная фонематическая транскрипция на русской основе (см. стр. 31—32).

²² Так, например, сеульское произношение в слове *ha-da* вместо *a* звука, близкого к *ə* (т. е. *hə-nda* вместо *ha-nda* и т. д.), не является орфоэпической нормой.

ная и Южная Чолладо и часть Южной Чхунчхондо); 6) диалект острова Чечжудо²³.

Диалекты корейского языка характеризуются целым рядом преимущественно фонетических и, кроме того, морфологических и лексических особенностей. Однако, по нашим наблюдениям, различия в диалектах в общем невелики и носители разных диалектов вполне могут объясняться друг с другом, особенно носители смежных диалектов—северо-восточного и северо-западного, юго-восточного и юго-западного. По свидетельству языковедов, может быть понятен в других районах и диалект острова Чечжудо, отличия которого наиболее значительны, но при характеристике корейских диалектов обычно преувеличиваются. Это вместе с тем отнюдь не означает, что носители разных диалектов не испытывают при общении между собой тех или иных затруднений, обусловленных специфичными для диалектов явлениями фонетики, морфологии и лексики.

Назовем некоторые характерные особенности фонетики, свойственные диалектам в отличие от литературного языка.

В консонантизме наблюдается два типа особенностей: 1) совпадение в определенных случаях одной фонемы с другой: а) *č* с *t* (и соответственно *č̣* с *ṭ*, *c̣* с *ṭʰ*)—так называемое „тэканье“—*si-dan* вместо *si-žan* 'рынок' и т. п.; б) *k* с *č* (и соответственно *ḳ* с *č̣*)—так называемое „чэканье“—*čil* вместо *kil* 'дорога' и т. п.; в) *h* с *s*—так называемое „сэканье“—*sim* вместо *him* 'сила' и т. п.; 2) качественное отличие отдельных фонем: а) произношение *č* и соответственно *č̣*, *c̣* с окраской твердого *ts* (ср. русск. *ц*)—так называемое „цэканье“—*tsal* вместо *čal* 'хорошо' и т. п. б) произношение *s* с отчетливой окраской шипящего *ʃ* (ср. русск. *ш*)—так называемое „шеканье“—*ʃin* вместо *sin* корейская фамилия (лит. *Син*) и т. п.

Одной из основных особенностей вокализма является неразличение: 1) дифтонгоидов и близких к ним по артикуляции монофтонгов: а) *ʷe* и *e*, т. е. *ten-žan* вместо *tʷen-žan* 'соевый соус' и др.; б) *ʷi* и *i*, т. е. *si-un* вместо *sʷi-un* 'легкий' и др.; в) *ʷa* и *a*, т. е. *ki-gan-gu* вместо *ki-gʷan-gu* 'депо' и др.; *iʷ* и *e*, т. е. *te-nu-ri* вместо *tʷiʷ-nu-ri* 'невестка' и т. д.; 2) близких по артикуляции дифтонгоидов: *ʷe* и *ʷe*, т. е. *tʷe-ži* вместо *tʷe-ži* 'свинья' и т. д.; 3) близких по

²³ С точки зрения исторического формирования диалектов прослеживается схема: 1) северо-западный диалект < диалект Когурё, 2) юго-западный диалект < диалект Пэкче, 3) юго-восточный диалект < диалект Силла, 4) северо-восточный диалект < диалект Окчо, 5) центральный диалект < смешанный.

артикуляции монофтонгов: *a* и *ε*, т. е. *mɛn-duɪl-da* вместо *man-duɪlda* 'делать', *sʰi-mɛ* вместо *sʰi-ma* 'юбка' и др.; *e* и *ɛ*, т. е. *ka-gɛ* вместо *ka-ge* 'лавка' и т. д. Соответствия гласных могут быть самыми разнообразными. Часть из них объясняется трансформацией исчезнувшей (и пережиточно сохраняющейся главным образом в диалекте острова Чечжудо) фонемы *ʰa* (например, *pʰal* и *pʰol* 'рука' и т. п.).

Представляют интерес огличия, наблюдаемые по диалектам в мелодике речи. В диалектах, распространенных на западном побережье полуострова, различие по долготе и краткости преобладает над различием по высоте тона, а в диалектах на восточном побережье, наоборот, различие по высоте тона преобладает над различием по долготе и краткости²⁴.

Речь западных говоров, по наблюдениям Ли Гык Но, „мягкая и плавная“, речь же восточных говоров — „резкая и отрывистая“.

В диалектах корейского языка, в особенности в северных, обнаруживается целый ряд явлений, наглядно иллюстрирующих различные процессы в развитии фонетического строя корейского языка. Так, например, сохранившиеся в северных диалектах слова *ka-i* 'собака' (лит. *kɛ*), *kɔ-i* 'краб' (лит. *kɛ*) и другие свидетельствуют об образовании монофтонгов *ε* и *e* из сочетания гласных *ai* и *ɔi*. Такого рода рудименты представляют собой интерес для исследователей истории языка.

В ряде диалектов в отличие от литературного языка не происходит чередования согласных при образовании форм глаголов и прилагательных. Так, например, в северных диалектах не происходит чередования согласных у корней, оканчивающихся на *p*: *top-ta* 'помогать' — лит. яз. *to-ʰa*, сев. диал. *to-ba* и т. п.

В области формообразования диалектные различия ярко прослеживаются, в частности, в специфичных формах конечной сказуемости: в северо-западном диалекте — *ra-gu-ʰo*, *-na-ʰo*, *-mma* (*summa*) и др.; в северо-восточном — *-ko-ta*, *-mmɛ*, *-mduɪp*, *-pʰibi* и др.; в юго-западном — *-nɯŋgerao* (*-ngerao*), *-sorao*, *-cʰirao* и др.; в юго-восточном — *-nɯŋgio* (*-ngio*), в центральном — *-saʰaʰo* (*-ʰaʰo*). Многим формообразующим аффиксам литературного языка в диалектах соответствуют свои варианты, более (например, в юго-восточном диалекте *-kʰaɯ* вместо лит. *-ʰaʰ/-kʰa*) или менее (например, в северо-восточном диалекте *-ri* вместо лит. *-ro*) от них отличающиеся.

²⁴ 리 국로, 조선말의 사투리 (《동광》) 1932, №1, 9—12 페이지 (далее — Ли Гык Но, Чосон-мар-ый сатхури).

Ощутимы бывают и диалектные различия в лексике. Одно и то же понятие в разных диалектах может обозначаться разными словами, каждое из которых в свою очередь имеет иногда много фонетических вариантов по разным диалектам или в пределах одного диалекта. Так, например, „стрекоза“ в одних диалектах *čamžari* (*čəmžeri*, *čanžari*, *čənžeri* и др.), в других *sogum-žəpi* (*sogum-žapi*, *sogum-žəp*, *sogum-žə* и др.) — всего, по данным Огура²⁵, 49 вариантов. Такие различия особенно характерны для названий животных и растений. По его же данным, литературное *ko'ap* 'кошка' имеет в диалектах 39 вариантов, *p'ɔp'ari* 'цыпленок' — 28, *oksusu* 'кукуруза' — 31, *koguma* 'батат' — 22 и т. д.

ИЗ ИСТОРИИ КОРЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Принято считать, что до первой половины XV в. корейцы не имели своей письменности²⁶ и использовали китайское иероглифическое письмо, заимствованное из Китая в начале нашей эры, когда в Корею стал проникать буддизм²⁷. С распространением буддизма (IV—V вв.) китайский язык постепенно занимает прочное место среди господствующего класса, становится письменно-литературным языком. Изучение иероглифического письма и вѣньяня составляло основное содержание образования в Корее.

С XIV в. в связи с еще более усилившимся китайским влиянием в Корее начинается стремительное распространение конфуцианства, что еще больше упрочило позиции китайского языка, который до конца XIX в. оставался офи-

²⁵ 小倉 進平, 朝鮮語方言の研究, 上巻, 1944 年, 319—320頁.

²⁶ Однако не все языковеды согласны с этой фактически общепринятой точкой зрения. Так, например, Ли Сан Чхун считает, что еще раньше, в глубокой древности, у корейцев было свое собственное письмо, по его предположениям — идеографическое. В обоснование своего мнения он указывает, в частности, на нерасшифрованные надписи на надгробных камнях, обнаруженные как в Южной Корее (в районе Намхэдо, провинция Южная Чолладо), так и в Северной Корее (в районе Пхеньяна) и сделанные непонятными знаками, но не китайскими иероглифами.

²⁷ Китайские иероглифы в настоящее время употребляются в Китае, Японии и Корее (раньше они употреблялись и во Вьетнаме). Читается каждый отдельный иероглиф по-китайски, по-японски и по-корейски различно, но лексическое значение в большинстве случаев одинаково. В корейском языке каждый иероглиф имеет, как правило, только одно чтение, во многих случаях хотя бы приблизительно напоминающее исходное китайское чтение (иногда корейское чтение сохраняет древнее китайское чтение или чтение, характерное для его южных диалектов; так, иероглиф «человек» читается по-корейски *ин*, как в кантонском диалекте, в то время как в пекинском он читается *жэнь*).

циальным языком правительственного аппарата, языком образования и культуры.

Влияние письменного языка на разговорный вело к заимствованию корейским языком китайских слов. Обратный же процесс—влияние разговорного языка на письменный—приводил к тому, что иероглифическую письменность стали приспосабливать для записи корейских слов и грамматических формантов. Первые попытки корейцев использовать китайские иероглифы для записи слов и грамматических форм родного языка относятся к VI—VII вв. (запись собственных имен, народных песен „Хянга“ и др.). Одним из объективных условий ускорения процесса приспособления китайской иероглифической письменности к потребностям корейского языка явилось то, что древний китайский язык в Корее утратил связь с живой китайской речью.

Способы использования иероглифов для записи корейских слов и грамматических формантов оказались самыми различными: в одних случаях иероглифом обозначали целое слово, в других—только слог, а иногда даже и отдельный звук. Так была создана сложная, смешанная система записи при помощи китайских иероглифов, в которой способы записи по значению сочетались со способами записи по звучанию.

Приспособление иероглифики для нужд корейского языка началось с фонетического использования иероглифов для обозначения в тексте, написанном на китайском языке, корейских собственных имен и географических названий. Затем последовало добавление иероглифов, используемых в качестве знаков фонетического алфавита для обозначения служебных слов и грамматических формантов корейского языка, причем нарушался уже и порядок слов китайского предложения в соответствии с нормами корейского синтаксиса. В результате и появилось письмо „иду“—система отобранных для этих вспомогательных целей иероглифов, которые употреблялись преимущественно как силлабические знаки и служили для транскрипционных целей²⁸. Записанный китайскими иероглифами текст становился совершенно непонятным для китайца. Это было уже особое „корейзированное“ китайское письмо.

Эта система письма была чрезвычайно сложной и труд-

²⁸ В Японии результатом аналогичного использования китайских иероглифов в качестве силлабических знаков явилось в конце концов создание слоговой азбуки «каны» (IX в.). Начертания графем представляют собой полные или усеченные элементы иероглифов. Такой же способ графического усечения элементов иероглифа был использован в Корее еще ранее (VII в.).